

Один единственный раз, насколько мне известно, Леонардо привел в своих ученых записках сведение о своем детстве. В одном месте, где говорится о полете коршуна, он вдруг отвлекся, чтобы предаться воспоминанию, выплывшему из очень ранних детских лет: „Кажется, мне было судьбой предназначено так основательно заниматься коршуном, потому что у меня сохранилось, наверное, очень раннее воспоминание, будто когда я лежал в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы".

Итак, детское воспоминание в высшей степени странного характера. Оно необычно и по своему содержанию, и по тому, что относится к очень раннему возрасту. Можно допустить, что человек помнит время, когда он был грудным ребенком, хотя такое воспоминание не может ни в коем случае считаться достоверным. Однако утверждение Леонардо, будто коршун открыл своим хвостом рот ребенку, звучит так невероятно, так сказочно, что появляется другое предположение, более логичное и сразу выводящее из затруднения. Эта сцена с коршуном не воспоминание Леонардо, но фантазия, которую он создал позже и перенес в свое детство. Детские воспоминания часто имеют именно такое происхождение; они вообще не фиксируются при переживании и не повторяются потом, в отличие от воспоминаний зрелого возраста, но только впоследствии, когда детство уже окончилось, они воскресают, причем изменяются, искажаются, приспособляются к позднейшим склонностям, так что их трудно четко отделить от фантазий. Может быть, лучший способ составить себе понятие об их природе — вспомнить, каким образом у древних народов возникла история.

Пока народы были малы и слабы, они не думали о том, чтобы писать свою историю. Люди обрабатывали землю, защищали себя от соседей, старались отнять у них земли и обогатиться. Это было героическое и доисторическое время. Потом, когда они стали жить сознательной жизнью, ощутили себя богатыми и сильными, тогда и явилась потребность узнать, откуда они произошли и как стали теми, кто есть. История, начавшая отмечать последовательные события настоящего времени, бросила взгляд в прошлое, собрала предания и легенды, объяснила происхождение пережитков старого во нравах и обычаях и создала таким образом летопись древних времен. Эта история древности по необходимости была скорее выражением мнений и желаний настоящего, чем изображением былого, потому что многое исчезло из памяти народа, другое было искажено, иные следы прошлого были истолкованы превратно в духе времени. Кроме всего прочего, историю писали не ради объективной любознательности, но потому, что хотели влиять на своих современников, поднять их и воодушевить или показать их собственное отражение. Сознательные воспоминания человека о пережитом в зрелом возрасте вполне можно сравнить с этим процессом создания истории, а его детские воспоминания по способу образования и по своей беспочвенности — с тенденциозно составленной первобытной историей народа.

Если, следовательно, рассказ Леонардо о коршуне, посетившем его в колыбели, есть лишь более поздняя фантазия, то, на первый взгляд, не стоит на ней и останавливаться. Для ее объяснения можно было бы ограничиться открыто выраженным стремлением автора возвести в ранг высшего предопределения свои научные занятия. Однако это пренебрежение было бы такой же несправедливостью, как если бы мы легкомысленно отбросили материалы о преданиях, традициях и верованиях из древней истории народа. Несмотря на все искажения и превратные толкования, в них все-таки представлены реальные события; то, что народ удержал из переживаний своего далекого прошлого

под влиянием когда-то могучих и теперь еще действующих мотивов, и если бы только можно было, зная все действующие силы, исправить эти искажения, то за этим легендарным материалом мы открыли бы историческую правду.

То же самое относится и к воспоминаниям детства или фантазиям отдельных личностей. Немаловажно, что человек считает сохранившимся в своей памяти с детства. Обыкновенно за обрывками воспоминаний, ему самому непонятных, скрыты бесценные свидетельства самых важных вех его духовного развития. Но так как техника психоанализа дает нам превосходные средства, чтобы осветить сокровенное, то можно попытаться восполнить с ее помощью проблемы в истории детства Леонардо. Если мы не достигнем при этом достаточной достоверности, то утешим себя тем, что и множеству других исследований о великом и загадочном человеке суждена была не лучшая участь. Стоит посмотреть на фантазию Леонардо о коршуне глазами психоаналитика, и она не покажется такой уж странной. Вспомним, как часто во сне мы видели нечто подобное, и мы, наверное, сумеем эту фантазию перевести на общепонятный язык. Перевод укажет на эротическое. Хвост есть один из известнейших символов и способов изображения мужского полового органа в итальянском языке, как и в других. (Итальянское слово „кода" означает не только „хвост", но и „окончание", „конец") . Содержащийся в фантазии образ коршуна, открывшего рот ребенку идвигающего там хвостом, соответствует представлению об извращении полового акта, при котором член вводится в рот партнера. Довольно странно, что эта фантазия носит такой пассивный характер; она напоминает также некоторые сны женщин или пассивных гомосексуалистов (играющих в сексуальных отношениях роль женщины) .

Пусть, однако, читатель повременит и в пламенном негодовании не откажется следить за психоанализом из-за того, что уже при первом его применении он приводит к недопустимому глумлению над памятью великого и чистого человека. Очевидно ведь, что нравственное негодование никогда не поможет прояснить, что означает детская фантазия Леонардо. С другой стороны, сам Леонардо недвусмысленно признался в этой фантазии, и мы не откажемся от мысли — от предубеждения, если угодно, — что такая фантазия, как и любое создание психики, в том числе сон, видение, бред, должна иметь определенное значение. Поэтому лучше продолжим аналитическую работу, она ведь не сказала еще своего последнего слова.

Желание брать в рот мужской орган и сосать его считается в обществе отвратительнейшим извращением, и тем не менее оно проявляется у женщин в наше время и, как доказывают старинные картины, встречалось и прежде достаточно часто. Видимо, страсть притупляет отталкивающий характер такого влечения. Врач встречает фантазии, основанные на этой склонности, также и у женщин, которые не читали монографий по сексуальной психопатологии и не познакомились через другие источники с возможностью такого полового удовлетворения. Видимо, такие желания-фантазии возникают у женщин произвольно. Анализ показывает также, что эти, так строго преследуемые обычаями, действия, допускают самое безобидное объяснение. Они суть не что иное, как переработка другой ситуации, в которой мы все когда-то чувствовали себя отлично: когда в грудном возрасте брали в рот сосок матери или кормилицы. Органическое впечатление от этого нашего первого жизненного наслаждения, конечно, прочно сохраняется; когда ребенок видит позже вымя коровы,

которое по своей функции сходно с грудным соском, а по форме и положению на брюхе с пенисом, он уже достигает первой фазы для появления в будущем этой отвратительной сексуальной фантазии.

Мы понимаем теперь, почему Леонардо мнимое воспоминание о коршуне относит к грудному возрасту. Под этой фантазией скрывается не что иное, как отголосок впечатления от кормления материнской грудью (эту прекрасную сцену он, как и многие другие художники, изображал кистью, рисуя Богоматерь с Младенцем). Во всяком случае запомним, хотя мы еще и не вполне понимаем, что эта одинаково важная для обоих полов реминисценция была отработана мужчиной Леонардо в пассивную гомосексуальную фантазию. Мы оставим пока в стороне вопрос, какая связь могла бы существовать между гомосексуальностью и сосанием материнской груди, и вспомним только, что молва в самом деле считала Леонардо гомосексуально чувствующим. При этом нам безразлично, подтвердилось или нет обвинение против юного Леонардо: не реальное действие, а образ чувствований решает для нас вопрос, обнаруживается ли в ком-нибудь гомосексуальность.

Другая непонятная черта детской фантазии Леонардо прежде всего возбуждает наш интерес. Мы объясняем фантазию сосанием материнской груди и обнаруживаем вместо матери коршуна. Откуда возник этот коршун и как он попал сюда?

Одна догадка приходит на ум, но такая смутная, что хочется от нее отказаться. В священных иероглифах древних египтян мать в самом деле изображается в виде коршуна. Египтяне почитали также божество материнства, которое изображалось с головой коршуна или со многими головами, из которых по меньшей мере одна была головой коршуна. Эту богиню называли „Мут"; только ли случайно созвучие с немецким словом „Муттер" (мать)? Итак, коршун действительно имеет отношение к матери, но чем это нам поможет? Имеет ли серьезный исследователь право придавать значение этим сведениям, если иероглифы удалось прочесть только Франсуа Шамполльону (1790-1832)?

Интересно знать, почему древние египтяне избрали коршуна символом материнства. Религия и культура египтян уже была для греков и римлян предметом научного интереса, и задолго до того, как были расшифрованы египетские письмена, в нашем распоряжении были некоторые сведения о них в сохранившихся сочинениях классической древности. Эти сочинения частью принадлежат знаменитым авторам, таким как Страбон, Плутарх, Аминан, Марцелл, частью носят неизвестные имена и сомнительны по своему происхождению и времени появления, это — иероглифы „Гораполло Гилус" и дошедшая до нас под священным именем „Гермес Трисмегистус" — книга мудрости восточных жрецов. Из этих источников мы узнаем, что коршун считался символом материнства, так как древние египтяне думали, будто существуют коршуны только женского пола, а самцов этой породы птиц не бывает.

Как же размножаются коршуны? Хорошее объяснение дается у Гораполло: в определенное время эти птицы останавливаются в полете, открывают свои влагалища и оплодотворяются ветром.

Мы неожиданно пришли к признанию вполне правдоподобными тех предположений, которые раньше отвергли бы как абсурдные. Леонардо мог очень хорошо знать о мифе, которому коршун обязан тем, что египтяне его изображением обозначали понятие „мать". Да Винчи был человек огромной эрудиции, его интересовали все сферы

литературы и науки. В „Кодекс Атлантикус" приводится каталог библиотеки Леонардо, но есть еще многочисленные заметки о других книгах, которые он брал у друзей. Судя по перечню, который Ф.Рихтер составил на основе выписок Леонардо, мы едва ли можем преувеличить объем им прочитанного. Не было у Леонардо недостатка и в древних, и в современных произведениях естественно-исторического характера. Все эти книги уже были в то время изданы, и именно Милан был в Италии центром книгопечатания. Если мы пойдем дальше, то найдем сведения, которые подтверждают знакомство Леонардо с легендой о коршуне. Ученый издатель и комментатор Гораполло делает примечание к уже цитированному тексту: „Во всех источниках отцы церкви распространяют предания о коршунах, споря с теми, кто сомневается в возможности непорочного зачатия".

Итак, миф об однополых коршунах ни в коем случае не остался нейтральным анекдотом, как похожее верование о жуках-скарабеях. Церковники опирались на него, чтобы иметь естественно-исторический аргумент против оспаривающих Священную историю. Если самые авторитетные источники древности утверждают, что коршуны оплодотворяются от ветра, почему нечто подобное не могло однажды произойти с женщиной? Поэтому церковные авторы повторяли рассказ о коршуне, и едва ли можно сомневаться, что, благодаря таким могущественным распространителям, он стал известен и Леонардо.

Создание фантазии о коршуне Леонардо мы можем представить себе следующим образом. Он прочел однажды у отцов церкви или в естественно-исторической книге о том, что коршуны бывают только самки и могут размножаться без помощи самцов; тогда и всплыло воспоминание, превратившееся в фантазию. Она говорила, что он ведь тоже был таким птенцом, имевшим мать, но не имевшим отца и (что часто бывает с такими ранними воспоминаниями) к этому присоединился отголосок наслаждения, полученного им у материнской груди. Намеки христианских авторов на дорогой для каждого художника образ Святой Девы с Младенцем должны были способствовать тому, что эта фантазия показалась Леонардо весьма ценной и значительной. Ведь таким образом он как бы отождествлял себя с младенцем Христом — утешителем и спасителем.

Когда мы анализируем какой-нибудь детский вымысел, мы стремимся отделить его реальное содержание от позднейших воздействий, изменений и искажений. В случае с Леонардо, думается, мы узнали реальное содержание его фантазии: замена матери коршуном указывает на то, что ребенок чувствовал отсутствие отца и жил только с матерью. Факт незаконного рождения Леонардо соответствует его фантазии о коршуне, поэтому мог он сравнить себя с птенцом коршуна. Но мы знаем другой достоверный факт его юности: пятилетним ребенком он жил в доме своего отца; когда это случилось — несколько ли месяцев спустя после его рождения или несколько недель до составления того кадастра, нам неизвестно. Но наше толкование фантазии о коршуне приводит к заключению, что Леонардо решающие первые годы своей жизни провел не с мачехой и отцом, а с бедной и покинутой настоящей своей матерью, так что он имел время заметить отсутствие отца. Этот вывод кажется неубедительным и слишком смелым, но при дальнейшем развитии его значение усилится.

Сопоставим другие факты о детстве Леонардо. Известно, что его отец Пьеро да Винчи женился еще в год рождения Леонардо на знатной даме донне Альбьере. Бездетности этого брака был обязан мальчик документально доказанным пребыванием на пятом году жизни в доме отца (или, скорее, в доме деда). Но не было в обычае, чтобы молодая женщина, которая еще рассчитывает на благословение детьми, с самого начала

супружества принимала на воспитание незаконного отпрыска. Должны были, без сомнения, пройти годы разочарования, прежде чем решились взять незаконное дитя (вероятно, здоровое и красивое) вместо тщетно ожидаемых законных детей. Наиболее соответствовало бы нашему толкованию фантазии о коршуне, если бы прошли три или даже пять лет жизни Леонардо, прежде чем он сменил свою одинокую мать на супружескую чету. Но тогда уже было слишком поздно. В первые три-четыре года жизни складываются впечатления и вырабатываются стереотипы реагирования на внешний мир, которые никакими позднейшими переживаниями не могут быть обеспечены. Если справедливо, что неясные воспоминания детства и построенные на них фантазии всегда заключают самое существенное в духовном развитии человека, то тот факт, что Леонардо первые годы провел только с матерью, должен был оказать огромное влияние на его внутреннюю жизнь. Перед ребенком возникло одной важной проблемой больше, чем перед другими, и маленький Леонардо с особым усердием стал размышлять над великой загадкой, которая мучила его: откуда появляются дети и какое отношение имеет отец к их появлению?

Таким образом, ощущение этой связи между исследовательским складом его души и историей его детства привело его позже к мысли, что ему наверно было предопределено изучать птичий полет, потому что его еще в колыбели посетил коршун. Вывести любознательность, направленную на птичий полет, из детского сексуального исследования — такова наша следующая, нетрудная для исполнения, задача.